

Ю. М. Плюснин

Пути формирования и развития изолированных местных обществ

Плюснин Юрий Михайлович — доктор философских наук, кандидат биологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики. Адрес: Москва, Мясницкая улица, 20. **E-mail:** jplusnin@hse.ru.

Аннотация: Предложена феноменологическая концепция способов формирования и развития локальных сообществ. «Модельным объектом» являются небольшие по численности пространственно изолированные сообщества (общины), не испытывавшие в течение продолжительного времени значительных внешних воздействий, в том числе имеющие очень низкий миграционный поток. Описаны три основных способа формирования изолированных сообществ, обусловленные этническим составом групп первопоселенцев: русским или смешанным. Обоснованы два пути развития таких сообществ: (1) развитие по типу агломерации, — одновременное или последовательное «склеивание» этнически и/или территориально разнородных групп населения с сохранением территориальной разобщённости и разнородности этнического состава; (2) развитие по типу агглютинации, — последовательное «наслаивание» вновь прибывающих групп мигрантов на автохтонное население с последующей ассимиляцией или метисацией.

Ключевые слова: провинциальное общество; община; пространственно изолированное сообщество; этнический состав; территориальные группы; локальная этносоциальная история; социальное взаимодействие.

Для цитирования: Плюснин Ю. М. Пути формирования и развития изолированных местных обществ // Пути России. 2024. Т. 2. № 1. С. 11–36.

Введение

Предлагаемый текст является, по мысли автора, спекулятивным, но он вырос из значительного массива эмпирических материалов. Это есть обобщение моих непосредственных наблюдений нескольких десятков российских провинциальных местных обществ, важнейшей особенностью которых является их относительная пространственная изоляция. В результате сформулирована концепция трёх способов формирования и двух путей развития таких местных обществ. Сама эта концепция базируется на детерминантах общеизвестной концепции «свои-чужие», которые были мною рассмотрены ранее [Плюснин, 2013]. Ниже приводятся аргументы к обоснованию концепции и характерные иллюстрации. Но прежде считаю необходимым определить основные для данного предмета понятия: провинциальное общество, местное общество и община, изолированное сообщество (хотя я подробно обсуждал это ранее в [Плюснин, 2022]).

«Провинциальное общество», по моему мнению, не является собственно социологическим концептом; это есть отвлечённый конструкт, определяемый в терминах центра и периферии [Shils, 1975, p. 3–16, 34–47; Донских, 2011, с. 25–44]. Он удобен лишь как операциональный термин, используемый путём указания. В нашем случае провинция есть сообщества, представленные «местечками», административными центрами, с их сельской округой; по образу жизни и способам жизнеобеспечения домохозяйств те и другие мало различимы. Не обсуждается понятие «периферия» и его соотношение с «провинцией».

«Местное общество» (синоним «локальное сообщество») и «община» есть термины близкие и соотносимые. Нередко местное общество отождествляют с общиной. Но не всякое местное общество является общиной, хотя как раз община и является «базовым фокусом общественной жизни» [Murdock, 1949, p. 82], поскольку общепринятым определением общины является, в соответствие с традицией, заложенной Фердинандом Тённисом [Tönnies, 1887], группа людей, связанных родством, свойством, живущих в одном месте и находящихся в непосредственном взаимодействии и общении друг с другом (см. также: [Murdock, et al., 1945, p. 29]). Местное общество всегда есть констелляция нескольких общин. Лишь в предельном случае это есть одна-единственная община; именно изолированные сообщества нередко являются таковыми.

Я вынужден дать здесь развёрнутое определение местного общества, зафиксированное мною ранее: «Провинциальное местное общество есть территориально отграниченная совокупность нескольких общин, связанных общей историей и происхождением, пронизанных кровнородственными связями большинства семей. В то же время это

есть налично существующая популяция, представленная отдельными домохозяйствами, организованными в поселения, которые сами организованы в пространстве в двухуровневую территориальную структуру административного центра (села или города) и его сельской округи (сети деревень, сёл, посёлков). Члены общин в составе домохозяйств связаны между собой родственными и соседскими отношениями в силу продолжительного совместного существования; они также связаны отношениями взаимности (реципрокного обмена), поскольку находятся в кооперативных и координированных взаимодействиях — осуществляют совместную жизнедеятельность и формируют определённую структуру производственных и социальных субординаций. Характерными признаками местного общества являются и представления людей о единстве в рамках их социальной локальности. Это обеспечивает, с одной стороны, поддержание стереотипов поведения, локальных традиций и установившихся практик, выражение локального менталитета и системы локального опыта. С другой стороны, это обеспечивает каждому члену сообщества защиту не только в форме физической безопасности, но и в форме локально признанных привилегий и преференций, взаимных уступок и льгот, социальных обязанностей и развёрсток по профессиональному, половозрастному, соседскому, клановому и родственному принципам.» [Плуснин, 2022, с. 46–47].

В рамках предмета данного исследования рассматриваются не любые, но только изолированные в пространстве сообщества (я не обсуждаю самоизолирующиеся сообщества, многие из которых пространственно не изолированы; см.: [Позаненко, 2017]).

К пространственно изолированным относятся сообщества, во-первых, такие, на территории которых до сих пор слабо развита либо вообще отсутствует привычная нам транспортная инфраструктура, прежде всего железные и автомобильные дороги (авиасообщение является ныне ограничивающим фактором, речной транспорт практически отсутствует).

Во-вторых, они удалены от соседних сообществ настолько, что повседневные связи между их членами крайне ограничены (эпизодичны) или невозможны. В российских условиях удалённость может составлять как сотни километров (обычное расстояние между сообществами на севере Сибири), так и несколько километров, если они непреодолимы. Поэтому следует говорить не об удалённости в пространстве как линейной функции изоляции, а о проницаемости пространства, как функции вероятности поддержания постоянных связей между людьми [Родоман, 1999, с. 24–42]. Географически соседствующие сообщества, разделённые горным ущельем, крупной несудоходной рекой или непроходимым болотом будут более пространственно изолированы друг от друга, нежели разнесённые на сотню километров, но связанные хорошей дорогой.

В данном исследовании я отнес к пространственно изолированным такие местные общества, на территории которых нет реки, где последние 15–20 лет осуществлялось бы судоходство, не проходят ни железнодорожная магистраль (но могут быть местная или грузовая железная дорога или узкоколейка), ни автомагистраль или скоростная автодорога, а также обычные автодороги категорий IV, I, II, III; при этом административный центр имеет выход на вышеуказанные автодороги по единственной автодороге IV или V категории, либо по местной дороге, или только по зимнику и воздухом или морем. Таким образом, в группу изолированных попадают очень разные сообщества именно по степени пространственной изоляции. В ряде случаев такие общества получили автомобильное или железнодорожное сообщение только в последние 10–40 лет. Поэтому ведущим критерием выступает как раз отсутствие постоянно поддерживаемых связей между людьми (домохозяйствами) в повседневной жизни, в общественных и хозяйственных отношениях. А пространственная изоляция выступает лишь объективным фактором, нарушающим или не позволяющим установиться таким связям.

Я уделяю внимание изолированным сообществам по той причине, что здесь мы видим совсем мало искажений социально-демографической структуры, вызванных непрерывной и значительной миграцией «чужих». Здесь нет и диаспор мигрантов, столь значительно нарушающих естественно сложившуюся социальную структуру [Collier, 2013, p. 40–42]. Процессы формирования и развития изолированного сообщества обычно идут без участия миграционного фактора.

Методология и материал

Методологической основой исследований является известная концептуальная «диада»: соединение феноменологии «наивного наблюдения» [Schütz, 1932], [Шанин, 1999], и структуралистской «конструкции» [Jakobson, 1958]. Результирующей такого подхода является, по-моему, методология качественного анализа (см., напр.: [Glazer, Strauss, 2001], [George, Barnett, 2005]), основными методами которого при сборе полевых материалов являются непосредственное наблюдение и интервью. Они являются составляющими case-study (напр.: [Страусс, Корбин, 2001], [Creswell, 2009]): посещение любого местного общества предполагает его описание в результате непосредственного и соучаствующего наблюдения (на основе принципов драматургического подхода [Ильин, 2006, с. 48–55]), сопровождаемого совокупностью разнородных, так называемых «этнографических интервью» [Рогозин и др., 2020].

Рис. 1. Карта-схема распределения обследованных изолированных местных обществ по территории страны. Размеры закрашенных кружков (овалов) приблизительно соответствуют площади территории, контролируемой населением обществ, за исключением южных и центральных регионов России (где эти территории гораздо меньше). Контролируемые территории не совпадают с административными границами районов, а определяются природными условиями и необходимым объёмом ресурсов для жизнеобеспечения. Границы регионов указаны для справки.

Для целей данного исследования важно отметить что, во-первых, описание местного сообщества/общины всегда осуществляется непосредственно исследователем и по заранее заданной схеме, а, во-вторых, интервью носят преимущественно характер экспертных, поскольку нас особо интересует социально-исторический контекст современного существования сообщества.

Третьим методом является локальный сравнительно-исторический анализ раннего формирования и последующего развития сообщества, осуществляемый на основе почти исключительно местных исторических и статистических материалов. Такие материалы могут быть получены только в районных архивах, реже в региональных, в местных краеведческих музеях, или это сведения, получаемые из публикаций в местных СМИ и краеведческих изданий.

Исследование охватывает 69 (из 74 обследованных) изолированных местных обществ, распределённых по всей территории страны, исключая большинство южных, центральных и западных областей европейской России (см. схему на рис. 1). В каждом из сообществ, за четырьмя исключениями, автором были проведены непосредственные наблюдения, а в 27 из них — повторные или неоднократные. Значительное количество сообществ представлены единственной общиной (таковых в списке 29); здесь всё население концентрируется в одном-трёх (не более 10 небольших) поселениях, жители которых

находятся в тесных соседских и родственных отношениях. В остальных 40 местных обществах население распределено по 2–10 общинам, только в немногих — более 10 общин. Административные центры 24 обществ — преимущественно сёла и рабочие посёлки средней численностью 2600 жителей, а в 16-ти обществах их центрами являются малые города (их средняя численность составляет до 8000 жителей).

Контролируемые территории сравнительно велики, плотность населения низкая, поскольку большая часть сообществ располагается в Сибири и на Севере. В 30 обществах плотность составляет менее 1 чел/км², а из них в 17-ти менее 0,01–0,1 чел/км². Только в двух горных обществах Северного Кавказа плотность составляет 40–60 чел/км² и в шести обществах средней полосы европейской России — 6–13 чел/км². В 31 обществе плотность населения от 1 до 6 чел/км². Таким образом, средняя плотность составляет всего около 2 чел/км², что в полтора раза ниже средней плотности сельского населения центральных областей европейской территории России и более чем на порядок ниже, чем в южных областях.

До половины изолированных сообществ имеют древнюю историю, существуют они более 300–800 лет; таких всего 32, почти все они возникли в XII–XVII вв. на Русском Севере и в Северо-Западной Руси. Обществ, которые существуют от 160 до 300 лет и могут быть отнесены к старым, возникшим с начала XVIII века и до середины XIX века, в выборке 12; во многих отношениях они близки обществам древним, только большинство из них расположены в Сибири и население их имеет поморское происхождение. Молодых обществ, возникших после 1860 г., население которых имеют традицию совместной жизни не далее 1–2-х секулюмов (3–6 поколений), в выборке всего 25. Естественно, что все они располагаются в Сибири, а основание их истории лежит в государственном усилении политической или экономической природы — это либо переселенческие общества конца XIX — начала XX веков [Дятлов, Григоричев, 2013], либо бывшие ранее кочевые общины народов Крайнего Севера, переведённые на оседлый образ жизни в первой трети XX века.

Отличительной особенностью изолированных обществ является значительная доля иноэтничного населения в их составе. Таковых в выборке около 1/3. В 10-ти обществах абсолютно преобладали представители народов Северного Кавказа, Поволжья, Алтая и Крайнего Севера (аварцы и даргинцы, башкиры и татары, челканцы и теленгиты, ненцы и саамы, коми-ижемцы и зыряне, эвенки и эвены). И девять из этих десяти — общества молодые, образованные в результате государственной политики в первой трети XX века. Ещё в 11-ти обществах вместе с русскими живут и представители других народов, составляя долю до 1/5 численности населения (наряду с указанными выше народами, также коряки, белорусы, эстонцы, мокша, буряты). В нескольких обществах (7) доля иноэтничного населения составляет

Елена Аносова
Фрагмент изображения к инсталляции
«Другие пределы»
(2016–2017)

«Есть такое выражение: „пришлые“...»
Опыт художественного изучения изоляции

с. 117–131

всего лишь 3–10%, а в 41 обществе абсолютно преобладает русское население, в том числе потомки представителей субэтнических групп (поморы, чалдоны, камчадалы).

Три способа формирования изолированных сообществ

Хорошо известно, что сохранение этнического разнообразия прямо зависит от доли сельского населения: чем выше она в сообществе, тем медленнее шла русификация, особенно характерная в советский период [Цуциев, 2004, с. 33–39, 100–104; Плюснин, 2008]. В изолированных сообществах доля сельского населения высока и в наше время, составляя более половины населения. Потому и их административные центры также чаще всего сёла и посёлки, а не города.

Состав населения большинства сообществ не моноэтничен, здесь совместно проживают обычно два, иногда три народа и более. Как правило, в административном центре преобладает русское население, а в сельской округе проживают представители других этносов. Обычно это означает, что такие сообщества формировались из пришлых русских, смешавшихся с прежде обитавшим на территории населением. Поскольку сроки «сплавления» в единое целое исчисляются несколькими веками, то разнообразие этнического состава сообществ прямо зависит от длительности их существования. Зная, что структура «своих» основывается в первую очередь на родственно-соседских отношениях, а нередко и исключительно на них (см., напр.: [Blom, 1969, p. 74–85; Мёрдок, 2003, с. 19–45, 106–118]), приходится рассматривать этнический состав населения в качестве ведущего фактора формирования любого сообщества. При этом надо иметь в виду и конфессиональный фактор, поскольку до сих пор он играет не меньшую, если не большую, роль в завязывании как соседских, так и родственных отношений между людьми, особенно в русской православной среде, в смешанных христианско-мусульманских, буддийско-христианских обществах.

Исходя из значимости этих двух факторов, этнического и конфессионального, для становления любого локального сообщества, следует говорить о трёх возможных вариантах их возникновения:

- (1) формирование местного общества на основе нескольких различных этноконфессиональных субстратов, обычно появляющихся на территории разновременно;
- (2) формирование на основе единственного иноэтничного (нерусского) субстрата, что всегда сочетается и с приверженностью одной конфессии; в отличие от первого случая, сообщество представлено или появляется на территории обычно одномоментно и в виде единственной общины;

- (3) формирование на основе однородного русского субстрата (обычно одного субэтноса), сочетанного с православной конфессией староверия и/или нового обряда; иначе говоря, изолированные русские сообщества возникали в результате самоизоляции вследствие миграции по политическим или экономическим причинам.

Все указанные варианты возникновения и развития изолированных сообществ имеют место в реальности, они описаны мною в [Плюсин, 2022, с. 157–159, 275–277, 342–348]. Здесь я предлагаю рассмотреть их под несколько иным углом зрения, социально-историческим.

1. Разный этноконфессиональный субстрат

В этом первом варианте у нас имеются крайне ограниченные возможности анализировать возникновение и последующее развитие изолированных сообществ в отдалённые исторические периоды по причине отсутствия в большинстве случаев архивных источников. Имеется ограниченное количество источников по ныне крупным образованиям, как правило, сообществам региональных центров. Всё, чем я располагаю на основе местных источников, относится к молодым по продолжительности своего существования изолированным сообществам (не глубже 200 лет). Этническое смешение здесь ещё не завершено и процесс «притирки» до сих пор болезненный, составляя едва ли не центральную тему повседневных обсуждений среди жителей. В основе этих обсуждений лежит, как всегда, борьба за природные ресурсы, которые представители одного этноса считают принадлежащими себе издревле (они первыми заселили территорию), а недавние вселенцы (всего лишь 4–6 поколений!) претендуют уже и на свою долю. Такова ситуация имеет место в половине из дюжины тех молодых сообществ, данными по которым я располагаю. Здесь всё ещё идёт процесс образования «общественного монолита» из этнически разнородных частей.

Важной и, на первый взгляд, парадоксальной особенностью является практически полное отсутствие «чужих» на этих территориях, притом что одна-две группы иноэтничного населения, позже остальных вселившиеся на территорию, должны бы являться таковыми. Но сопоставив численность этих новых групп вселенцев и произведённый с их стороны отъём части ресурсов, значимых для автономного жизнеобеспечения, вынуждает первопоселенцев считать их «своими» (не всегда полноправными). Возможно, по этой причине в таких сообществах имеет место демонстративно негативное (и даже агрессивное) отношение к современным мигрантам. Хотя их здесь почти и нет. Основу «общественного дискурса» в таких сообществах составляют проблемы бытовых межэтнических конфликтов, в действитель-

ности являющихся прикрытием борьбы за контроль ресурсов для жизнеобеспечения, в равной мере природных или предоставляемых государством (от распределения льгот и пособий до бюджетных мест в учреждениях). Приведу два примера таких обществ в Арктике и на Крайнем Севере Восточной Сибири.

Местное общество Эссо (Быстринский район, Камчатка) представлено менее чем 3000 человек, которые все проживают в двух сёлах. Складывалось это общество из четырёх источников, практически «на наших глазах», то есть они зафиксированы в архивах. Автохтонное камчатское население, издревле здесь проживающее — ительмены. После прихода русских казаков в XVII веке те и другие стали активно смешиваться (причина обычна: нехватка женщин у русских) и скоро образовали субэтнос камчадалов.

Нынешнее коренное население Эссо и составляют эти две давно смешанные группы. Однако в XIX веке на территорию вселились эвены (ламуты) с севера и заняли часть исконных земель ительменов и камчадалов. Процесс межэтнического смешения до сих пор не закончился, как и территориальные споры между ними за природные ресурсы. Наконец, уже в XX веке, в советские времена, появились новые вселенцы — коряки с западного Охотского побережья Камчатки. Одновременно весь этот век шёл процесс вселения русских из дальних земель — с территорий Европейской России. Только к 1980-м годам процессы вселений значительных новых групп закончились и последние полвека идёт лишь «плавка» этого столь разнородного материала. Конечно, все жители давно уже стали своими друг другу и даже родственниками, но споры о «первородстве», инспирированные конкуренцией за охотничьи участки, рыбные тони и «родовые территории», не утихают [Плюснин, 2022, с. 187, 329].

Анабарское местное общество (официальное наименование — Анабарский национальный долгано-эвенкийский улус, Якутия) представлено также всего 3500 жителями в двух поселениях. Общество составлено из пяти этнических элементов. Основную численность (до ½ населения) составляют долганы, народ, сложившийся в XVIII–XX вв. смешением местных и пришлых тунгусов, русских крестьян и якутов. Вторую по численности группу, около ¼, составляют эвенки, с которыми, как и с русскими, долганы находятся в дружеских и родственных отношениях. К эвенкам же примыкает небольшая по численности (100 человек) группа эвенов. Представители этих трёх этнических групп условно автохтонны, хотя и сами являются сравнительно недавними первопоселенцами на территории. Они все вместе противостоят четвёртой группе — якутам (около 1/5), которые являются недавними вселенцами на территорию, как и русские, численность которых всего менее 1/10. Но если исторически обусловленные бытовые отношения долган, эвенков и эвенов с русскими носят нейтральный и дружеский характер (во многом в силу не только давних родственных связей, но и

сильно различных видов профессиональной деятельности и ресурсно-экологических ниш), то с якутами отношения выражено агрессивные. Отношения не могут устояться уже долгие годы. Причины вызваны захватом якутами всех наиболее «кормных» и прибыльных мест в местной экономике, особенно в бюджетной сфере, и в вытеснении ими автохтонов с наилучших участков для охоты и оленьих пастбищ.

Формально-статистически большая численность «чужих», представленная русскими специалистами и вахтовыми рабочими алмазных рудников, элиминирована тем, что они очень мало (первые) или совсем (вторые) не взаимодействуют с местными обитателями. Значительная пространственная изоляция не может скомпенсировать действие слабых механизмов социальной консолидации [Плюснин, 2022, с. 277–278, 329–330].

Не только в двух описанных, но во всех таких местных обществах «чужие» составляют очень малочисленные группы, которые при этом появляются здесь на короткий срок и нередко не по собственной воле, в силу производственной необходимости. В последнем случае это военнослужащие воинских частей или группы профессионалов — авиаторы, энергетики, горные инженеры и др. Присутствуют, кроме того, изолированные группы «чужих» — это вахтовые рабочие на предприятиях по добыче природных ресурсов, бригады сезонных вахтовиков-строителей или сотрудники природоохранных и иных учреждений, а также нередкие теперь горожане-пенсии, поселяющиеся сезонно. «Чужие» — это и представители иных конфессий, нежели местные. Все эти группы «чужих» живут изолированно от остального общества (нередко в полной изоляции, так что местные жители с ними не встречаются).

Из 69 обследованных изолированных обществ 11 могут быть отнесены к данному пути формирования.

2. **Однородный иноэтнический субстрат**

Второй вариант формирования изолированных сообществ — это случай, когда местное общество образуется из этнически однородного населения, не смешавшегося с пришлыми русскими. Смещения не произошло по разным причинам, но главная — значительная пространственная изоляция в силу труднодоступности местности, либо результат самоизоляции. Это горы Северного Кавказа, арктическая тундра побережья Ледовитого океана, холодные горно-таёжные пустыни хребта Сунтар-Хаята, или глухая черневая тайга Кузнецкого Алатау и Горного Алтая. Таких обществ оказалось всего 9 в анализируемой совокупности.

Значительная изоляция наряду с мощными само-изолирующими механизмами, основанными на родственных отношениях и спе-

цифических хозяйственных практиках, приводят к тому, что население здесь достаточно однородно, нередко представляет только одну общину из всего одного-двух или немногих родов (кланов). Появление новых насельников в таких обществах обусловлено лишь политическими и административными причинами. Одна из важнейших причин — переселенческая: начиная с 1960-х годов в районные центры свозилось население не только окрестных деревень, но и деревень, удалённых на сотни вёрст. Эти-то новые вынужденные насельники и образовали незначительные иноэтнические пласты в местной социальной структуре. В таких сообществах и сейчас почти совсем нет чужих людей, за исключением представителей особых профессий, как указано выше. Конфессионально такие общества однородны (обычно это язычники-шаманисты и православные, староверы). Вновь представлю два образчика.

Ярким примером может служить немногочисленное (менее тысячи человек) общество Томпо (Томпонский наслег, Якутия), сконцентрированное в единственном посёлке. Он был образован в 1970-е годы из свезённых с разных территорий Томпонского района эвенских (ламутских) родов, которые и составили основную долю всего местного общества, крайне изолированного (до ближайшего села, районного центра Хандыга, около 300 км единственной и трудной горно-таёжной дороги). В современном виде концентрированного обитания в единственном поселении и нескольких сезонных оленеводческих стойбищах община существует чуть более 60 лет. Помимо преобладающего эвенского населения в посёлке проживают немногочисленные эвенки, якуты и русские. Многие давно породнились, но имеют и брачные этнические предпочтения. Бытовое противостояние эвенов и эвенков с якутами выражается в отказе от образования смешанных брачных пар с якутами, хотя между эвенами, эвенками и русскими, напротив, имеют место брачные предпочтения. Вследствие изолированности и значительного сокращения численности населения за счёт миграционного оттока и высокой смертности (утрата 3/4 популяции за полвека) ныне существующая община представлена семьями, находящимися в тесных родственных связях. Приток «чужих» практически отсутствует [Плюснин, 2022, с. 332–333].

В чём-то похожая причина создания столь же изолированного сообщества в Краснощелье (Мурманская область). Исконно на этой территории кочевали оленеводы-саамы (лопарские роды) и на всём пространстве Кольского полуострова существовало множество мелких саамских погостов и сийд, состоящих из одной или нескольких семей; по-видимому, на востоке Мурмана это были полукочевые поселения. Первые крупные поселения появились здесь в начале XX века и образовали их коми-ижемцы, также оленеводы, переселившиеся из Карелии, куда они перекочевали вынужденно, спасая своих оленей от падежа, в середине XIX века за более чем тысячу вёрст из района рек Ижмы

и Печоры. Во время Второй мировой войны и в течение первых двух десятков лет после неё все мелкие поселения саамов были ликвидированы и свезены в «центральную усадьбу». В Краснощелье в течение векового смешения саамы составили единое сообщество с коми-ижемцами, благо и те и другие имели сходные модели жизнеобеспечения (см.: [Лукьянченко, 1993]). Позднее, уже во второй половине XX в. сообщество включило в свой состав незначительное количество русских поморов, а также разнородное русскоязычное население в составе приезжих специалистов. Теперь Краснощелье и ещё два удалённых селения составляют небольшое, но автономное и самодостаточное сообщество (см.: [Козлов и др., 2008; Позаненко, 2017, 2019а, 2019б]).

В обоих приведённых примерах, впрочем, как и в остальных обществах этого пути развития, наблюдается происходящая на наших глазах стагнация, в некотором роде «окукливание». Чаще всего общество создано заново, искусственно образовано из нескольких рассеянных на большой территории общин, которые смогли консолидироваться при значительной государственной финансовой поддержке, направленной на создание селитебной и коммунальной инфраструктуры и нового направления развития местной экономики, а также благодаря новым семейно-родственным связям. На коротком интервале времени, пока государственная поддержка была достаточна для жизнеобеспечения, имел место рост численности населения. Но утрата такой поддержки или возникновение новых препятствий для развития (обычно конкуренция со стороны внешних, более сильных экономических игроков, претендующих на местные ресурсы) приводит к постепенной деградации сообщества. По крайней мере в пяти из указанных девяти местных обществ ныне наблюдаются процессы депопуляции, далеко превосходящие обычный отток сельского населения в города.

3. Однородный русский субстрат

Третий путь формирования показывают изолированные сообщества с «исконно» русским населением. Естественно, что в выборке их большинство — 49 обществ. Обычно они существуют с древних времён и сохранились в исходном этническом составе до наших дней, хотя на ранних этапах формирования вступали в контакты и ассимилировали без остатка немногочисленное аборигенное финно-угорское и тюркское население.

В целом ряде таких сообществ важнейшим фактором социальной однородности выступала не физическая изоляция (она была вторична), а самоизоляция по причинам, обусловленным катастрофами общественной жизни. В одних случаях это были причины полити-

ческие, например, Смута, заставившая целые сельские миры таких местностей, как Поморье (Русский Север), покидать родные места и бежать на Волгу, на Урал и в Сибирь, основывать там малочисленные однородные поселения, постепенно смешиваясь с местными обитателями. Это, в частности, поморы и черемисы на водоразделе Северной Двины и Волги, ангарцы-чалдоны, исходно те же поморы, и тунгусы на Ангаре, обеих Тунгусках и Лене, старообрядцы-семейские и буряты в Забайкалье (подробнее см.: [Плюснин, 2022, с. 333–342]).

В других случаях причинами явились природные факторы, вызывавшие эпидемии, эпизоотии, неурожаи и голод, заставлявшие людей уходить в поисках новых мест для жизни, благо таких в России всегда было много.

В третьих случаях, причиной были конфессиональные расхождения. Первым в ряду конфессиональных противостояний стоит Раскол XVII века: многие из изолированных обществ сохранили приверженность старой вере (в этой выборке таких 14 обществ из 49), вследствие чего развивали мощные охранительные механизмы самоизоляции, позволявшие поддерживать особость своего общества не только в инонациональной среде, но и в среде новообрядческой, хотя бы и однородной этнически (см. специально: [Паскаль, 2011, с. 38–4], [Кулишер, 2004, с. 189–206]). Эти три движущих фактора были основными при формировании изолированных русских местных обществ.

В качестве примеров укажу на несколько изолированных местных обществ «чисто русским» населением, расположенных на дальнем северо-западе (Мезень), в центре Европейской территории (Ветлуга) и на дальнем востоке страны (Преображение).

Мезенское местное общество (северо-восток Архангельской области) древнее, поморы появились здесь в XIV–XV вв. Немногочисленное автохтонное население было быстро ассимилировано и память о нём ныне присутствует только генетически. Контакты с ближайшими соседями, коми-удорцами имеют место, но семейно-родственные связи крайне слабы (из интервью с жителем села Родома, август 2006: «граница по Родоме на замке»). Подавляющая часть населения сконцентрирована вдоль реки Мезени.

До недавнего времени связь местного общества с «большой землёй» поддерживалась по зимнику, по реке и самолётами малой авиации. Значительная изоляция в течение всего времени существования общества способствовала однородности состава населения, которое возмущалось только эпизодическими жертвами политической ссылки (местные обыватели гордятся этим фактом, утверждая, что именно благодаря «политическим» среди мезенцев так много умных людей). В силу длительного изолированного существования и отсутствия сколь-нибудь существенной миграции (помимо военных и специалистов) в местном обществе происходила сегментация на отдельные общины, которые до сих пор чётко различимы и тер-

риториально, и социально, но образуют этнически однородное единое местное общество, связанное родственными и хозяйственными узами (см.: [Плюснин, 2006]).

Ветлужское общество (север Нижегородской области, ранее в составе Костромской губернии) лишь условно можно отнести к ныне изолированным, поскольку в небольшом удалении проходит железная дорога, проложенная менее века назад, а едва ли удовлетворительная автодорога появилась лишь около 30 лет назад; до того времени изоляция была существенной. В отличие от мезенского, общество образовано четырьмя основными слоями «своих», три из которых являются субэтносами.

Древнейший субстрат образует сравнительно немногочисленное автохтонное черемисское население — луговые мари, хорошо известные по самым ранним источникам. С середины XV — начала XVII вв. они ассимилированы массовыми волнами славянской и мерянской миграции с запада, из Суздаля, Костромы и Галича, а также поморской (новгородской) из Поморья, поскольку в древности здесь проходил один из путей с Северной Двины на Волгу и далее в Сибирь. Эти три группы быстро смешались и на протяжении двух-трёх веков составляли уже единство, отождествляющее себя с русскими.

Затем, уже в конце XIX в., возникла волна вынужденной крестьянской миграции с востока, с Вятки, вследствие демографических и вызванных ими экономических причин. Однако вятские крестьяне поселились изолированно на юго-западе Ветлужского края и до сих пор составляют относительно компактные общины. Наконец, в советские времена в XX в. происходил приток наёмных работников («вербованных») из разных областей Европейской России, которые поселялись также относительно изолированно в лесопунктах северо-запада района.

Сложилась структура населения, разделённая территориально, и три основные группы пришлого русского населения занимают до сих пор отдельные территории и, соответственно, образуют три группы общин, члены каждой из которых считают себя русскими. Однако в памяти всего ветлужского общества истоки давно стёрты, все здесь давно исконно русские, и только единицы помнят о финно-угорском этническом субстрате (см., напр.: [Русские крестьяне, 2004]).

Значительно отличается по истории и составу населения и от мезенского, и от ветлужского обществ дальневосточное общество Преображение (Лозовский район Приморского края). Оно молодое, существует с середины XIX в. Это исходно переселенческое крестьянское общество, прибывшее из западных и центральных губерний России [Дятлов, Григоричев, 2013]. Сейчас их потомки в пятом-шестом поколениях составляют незначительную долю населения (неизвестно какую), поскольку в сознании людей память об этом почти стёрта, и в семьях об этом не помнят.

Основу же нынешнего населения составляют недавние мигранты и их потомки в первом-втором поколениях, «вербованные» с самых разных территорий страны для работы в качестве рыбаков и рабочих морского порта. Связи между людьми преимущественно хозяйственно-экономические и соседские, они не подкреплены длительными родственными и глубинными социальными отношениями. Общество находится в неустойчивом состоянии, поскольку процессы консолидации и укоренения населения в последнюю четверть века были прерваны экономической деградацией и интенсивным оттоком населения (численность сократилась вдвое).

Как видно, в трёх приведённых примерах исходные условия формирования обществ различны, различны и наблюдаемые результаты. В первом случае поморский субэтнос быстро ассимилировал очень немногочисленное аборигенное население и продолжительное время существует автономно и как однородное целое, изредка впитывая и перерабатывая немногочисленные группы вынужденных мигрантов.

Во втором случае общество складывалось как последовательные вселения новых крупных групп иного населения, но этнически неразличимого (поморы, суздальцы и вятчи воспринимают себя все русскими, хотя объективно складывались на разных этнических субстратах).

В третьем случае молодое общество составилось как агломерат нескольких групп мигрантов с разных территорий страны, поселившихся на практически пустой территории, заселённой на морском побережье немногочисленными семьями тазов, русских переселенцев и китайцами, сезонными отходниками и охотниками (см.: [Арсеньев, 1921, гл. 14, 24, 25]). В течение менее чем одного века новые поселенцы успели смешаться.

Два пути развития изолированных обществ

Приведённые примеры показывают не только разные способы формирования, но предполагает и разные пути последующего развития, которые проходят местные общества. На основе имеющихся полевых материалов я смог выделить и зафиксировать два альтернативных пути (или типа) развития в соответствии с основным механизмом, который определяет локальное социальное развитие.

В одном случае я называю это «механизмом агглютинации», в другом — «механизмом агломерации». Ясно, что выделение в «чистом виде» таких «механизмов развития» есть упрощение и огрубление, но преобладание одного «механизма» над другим позволяет различить локальные общества по преимущественным направлениям

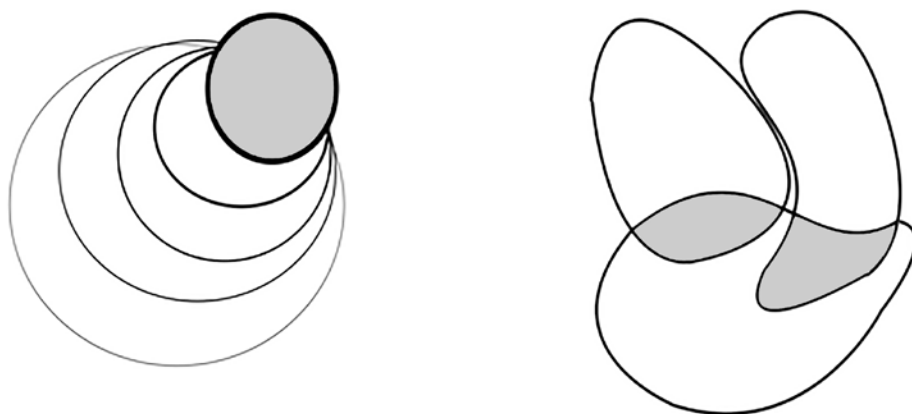

Рис. 2. Схематичное представление путей развития локальных сообществ. Слева — иллюстрация «механизма агглютинации», — последовательное во времени наслаивание новых групп населения и поглощение их более старым субстратом (ассимиляция без образования землячеств, диаспор). Справа — иллюстрация «механизма агломерации», — соединение в границах одного общества нескольких разнородных частей, этно-территориальных групп, слабо взаимно ассимилирующихся.

развития. Эмпирические (в том числе локальные историко-социологические) наблюдения «на месте» (*in situ*) показывают, что какой-то из двух «механизмов» преобладает при формировании и развитии структуры общества. На рис. 2 представлена примитивная схема двух путей развития.

В случае «механизма агломерации» развитие определяется разнородностью населения и обычно (не всегда) одновременностью вселения их на территорию. Агломерация — разнородность состава населения по происхождению, из разных территорий и регионов, из разных родов или этносов. Наличие «агломератов» в составе общества есть обычно признак вселения на его территорию разнородных групп населения почти одновременно (в пределах одного секуляма), независимо от причин вселения — по принуждению государства или своевольно. Агломерации характерны для молодых сообществ, созданных принудительно, государственным усилием (таково, к примеру, из вышеописанных общества Анабара и Томпо), а также для «турбулентных» сообществ, в которых велика доля мигрантов и их диаспор (у меня этих примеров нет).

«Слоистость», или агглютинация, выявляется в старых и древних обществах, чаще всего в обществах естественного развития (без участия государства или иных могущественных агентов, например монастырей). «Механизм агглютинации» предполагает наличие более ранних и более поздних по времени вселения на территорию

групп населения, имеющих разное происхождение. Создаётся впечатление этносоциальной «слоистости»: разные социальные или этнические группы наслаиваются друг на друга, испомещаясь на общей территории постепенно, с течением времени вращая и ассимилируясь. В то же время пример Ветлуги показывает, что в случае сохранения территориальной разобщённости общин разного происхождения, тенденции агломерации сохраняются долго.

Наличие двух «механизмов», в некотором отношении дополнительных друг другу, было зафиксировано мной в давней публикации [Плюснин, 2013], где приведены примеры двух относительно изолированных местных обществ с «чисто русским» населением, существующих издревле — Солигалич на северо-западе Костромской области и Чердынь на севере Пермского края. Располагаясь в схожих экологических и климатических условиях на севере Европейской России и на Урале, они одинаковы по способу формирования, но различаются путями развития, что отразилось на составе «своих» и на характере взаимодействия отдельных групп. Приведу эти примеры с иными акцентами.

Солигалич все семь веков своего существования являлся и является русским местным обществом, которое испытывает регулярные, обычно раз в секулум (по сути, каждые 50–70 лет), пополнения своего состава новыми людьми в виде компактных профессиональных групп, постепенно вливающих в состав «своих» (см., напр.: [Фигуровский, 2010]). В силу этих причин «свои» в солигаличском обществе — не компактная и изолированная от «чужих» группа населения, а «слоёная» структура, где в основе лежит «механизм агглютинации». Каждая новая группа насельников со временем «врастает в местную почву». Несмотря на то, что приток нового населения происходит из самых разных и удалённых территорий страны, его преимущественно однородный русский состав предполагает быструю ассимиляцию.

Чердынское общество, подобно мезенскому, складывалось как агломерация двух групп: пришлых русских из Поморья и из более южных областей Европейской России, оседавших на местном угорском субстрате (пермяки; см.: [Смирнов, 2021; Чагин, 2004]). Все дальнейшие шесть веков своего существования общество испытывало внешнее воздействие только со стороны разных групп «чужих», слабо ассимилировавшихся местной средой. Среди «чужих», постепенно переходящих в состав «своих», основными группами были вынужденные немецкие переселенцы и добровольно оседавшие здесь бывшие обитатели многочисленных исправительных колоний. Такой путь развития является промежуточным между агглютинативным и агломеративным: в настоящее время мы наблюдаем совместное действие как того, так и другого механизма, формирующих местное общество. В этом отношении чердынское и ветлужское общества идентичны. Важную роль в длительном сохранении «механизма агломерации» имеет, как кажется,

фактор территориальной разобщённости в границах общества или, напротив, стягивания групп новых насельников в административный центр. В первом случае сохраняется разобщённость, во втором же новые насельники быстро «переплавляются».

Ярко выраженное действие «механизма агломерации» имеет место в вышеописанных обществах Анабара, Томпо и Эссо, как и почти во всех молодых по продолжительности существования обществах, составленных из разнородных этнических групп. Однако это же характерно и для обществ, состав которых образован группами исходно территориально удалёнными, где этнический компонент отсутствует или не так выразителен, например, Соловки в Архангельской области, или Амурзет в Еврейской автономной области.

Общей особенностью обществ, независимо от того, по какому пути они развиваются, «агломерации» или «агглютинации», является то, что они совершенно схожи по составу и характеру «чужих». Необходимо подчеркнуть, что в изолированных обществах вообще очень мало или совсем нет «чужих». Состав «чужих» здесь состоит из четырёх основных категорий: сезонные трудовые мигранты-отходники или вахтовики, горожане-дачники, специфические группы «чужих», появляющиеся по иным, нежели экономические, причинам, наконец, крайне немногочисленные случайные, «проточные» люди.

Наоборот, по составу «своих» общества, развивающиеся по пути «агглютинации», имеют более сложную структуру, чем те, которые до настоящего времени сохраняют сборную, «агломерированную» структуру. Обусловлено это тем, что «слоистая» структура образуется за счёт периодических внедрений в местное общество новых и разных групп «чужих», постепенно врастающих и становящихся «своими».

Общества «агломерированного» типа отторгают «чужих» и новые насельники могут стать «своими» только в результате значительного внешнего воздействия: либо усилением со стороны государства (переселением небольших групп населения на новые территории по политическим или экономическим поводам), либо как результат инвазии на занятую территорию более сильной политической, экономической или по социально-демографическим признакам группы. При этом необходимым условием является, вероятно, как сравнительно недавнее существование и первоначальных насельников, так и территориальное размежевание групп.

Но и в случае «механизма агглютинации» каждый новый слой «своих» образовывался путём насильственного внедрения («сажания») в местное общество инородной и профессионально компактной группы. Но при этом насилие не носило тотального характера, поскольку ненапряжённое включение «чужих» в состав «своих» в обществах, развивающихся по этому типу, обеспечивалось разделением «экологических ниш»: чужие не конкурировали с местными за базовые ресурсы (сравни, напр.: [Лурье, 2015]). Либо «приносили

с собой» новые источники ресурсов, т. е. создавали новую «экономическую нишу» [Плюснин, 2008, 2013].

В составе «своих» в древних и старых изолированных обществах определяющее значение имеют родственные связи. В молодых изолированных обществах отдельные разнородные по происхождению компоненты состава соединяются одновременно. Имеет место исходно генетически разнородная структура населения: на уровне отдельных людей, на уровне родственных групп и на уровне разных этносов. Этим молодые общества принципиально отличаются от старых и древних.

Конечно, не во всяком древнем и старом сообществе может быть зафиксирована, даже с использованием архивных материалов, исходная «агломерированная» или «агглютинированная» структура. По-видимому, в ряде случаев последняя складывалась на единственном этническом или кланово-родственном субстрате; отдельные члены общества генетически были близки между собой. Я предполагаю такое для моноэтнических изолированных обществ. В других случаях автохтонный субстрат в настоящее время полностью перекрыт давними вселенцами на территорию, а первоначально «слоистая» структура «своих» вовсе не явственна и, безусловно, не зафиксирована в исторической памяти самих людей.

Таким образом, важно отметить, что «механизм агломерации», вероятно, действует преимущественно на ранних стадиях развития обществ, со временем постепенно преобразуясь в «механизм агглютинации», если только общество не испытывает постоянное и сильное внешнее воздействие, препятствующее взаимной ассимиляции исходно разнородных его частей. Так первоначально альтернативные пути развития определённо связаны с тремя способами формирования изолированных обществ.

В сравнительно редких случаях, когда общество формируется из единственной соседско-родственной группы, а затем развивается в изоляции, тогда «механизм агломерации» вообще не имеет места, а весь долгий исторический период наблюдаем действие «механизма агглютинации» в отношении редких новых вселенцев. Такое можно предполагать, например, для обществ Усть-Цильмы или Русского Устья, как минимум до начала XX в. [Зензинов, 1914], [Максимов, 1984, с. 793–832].

Противоположная ситуация, когда в продолжении всего периода развития изолированного общества наблюдаем действие «механизма агломерации», зафиксирована мной только для молодых обществ, существующих менее 200 лет, которые внешней силой составлены из разнородных этносоциальных частей (Анабар, Томпо, Эссо). Общество с исходно однородным русским составом может формироваться с участием того либо другого механизма, в зависимости от происхождения его частей, но развивается преимущественно с участием «механизма агглютинации» (Ветлуга, Солигалич, Чердынь, Преображение).

Следовательно, имеет место ситуация, когда на этапе формирования общества действует преимущественно или исключительно «механизм агломерации», замещаемый в процессе дальнейшего развития «механизмом агглютинации». Длительное же действие как первого механизма на поздних этапах развития, так и второго на ранних, является скорее исключением, чем правилом.

Литература

1. *Арсеньев, В. К.* По Уссурийскому краю. Путешествие в горную область Сихотэ-Алинь. Владивосток: Типография «Эхо», 1921.
2. *Донских, О. А.* Провинция и провинциальность: начало // Книга и литература в культурном пространстве эпох (XI–XX века) / Под ред. О. Н. Фокиной, В. Н. Алексеева. Новосибирск: ГПНТБ, 2011. С. 25–44.
3. *Зензинов, В. М.* Старинные люди у холодного океана. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Типография П. П. Рябушинского, 1914.
4. *Ильин, В. И.* Драматургия качественного полевого исследования. СПб: Интерсоцис, 2006.
5. *Кольские саамы в меняющемся мире* / Под ред. А. И. Козлова, Д. В. Лисицына, М. А. Козловой. М.: Институт Наследия, ИЛ «АрктАн-С», 2008.
6. *Кулишер, И. М.* История русского народного хозяйства. 2-е изд. Челябинск: Социум. 2004.
7. *Лукьянченко, Т. В.* Саамы в России: к вопросу об адаптивной функции традиционной культуры // Сибирский этнографический сборник, М. 1993. Вып. 6. Кн. 1. С. 11–23.
8. *Лурье, С. В.* Игра в кошки-мышки: модели русской крестьянской колонизации в XIX — начале XX веков // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 11(42). Часть 4.
9. *Максимов, С. В.* Год на Севере. СПб: Типография А. Траншеля, 1871.
10. *Мёрдок, Дж. П.* Социальная структура. М.: ОГИ, 2003.
11. *Паскаль, П.* Протопоп Аввакум и начало раскола. М.: Знак, 2011.
12. *Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества* / Под ред. В. И. Дятлова, К. В. Григоричева. Иркутск: «Оттиск». 2013.
13. *Плюснин, Ю. М.* Мезень: реальности натуральной жизни // Отечественные записки. 2006. № 5. С. 147–156.
14. *Плюснин, Ю. М.* Факторы развития местного самоуправления. Оценка значения изоляции и изоляционизма // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. № 3. С. 38–50.
15. *Плюснин, Ю. М.* Свои и чужие в русском провинциальном городе // Мир России. 2013. Т. 22. № 3. С. 60–93.
16. *Плюснин, Ю. М.* Социальная структура провинциального общества. Commonplace; Фонд «Хамовники», 2022.
17. *Позаненко, А. А.* Два вида изолированных локальных сообществ как старые и новые теннисовские общности в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20. № 3. С. 161–178.

18. Позаненко, А.А. Записки из жизни современного оленеводческого села // GoArctic. 2019a. 30 января. [Электронный ресурс] <<https://goarctic.ru/news/zapiski-iz-zhizni-sovremennogo-olenevodcheskogo-sela/>> [Дата обращения] 03.12.2023.
19. Позаненко, А.А. Записки из жизни современного оленеводческого села. Часть вторая // GoArctic. 2019b. 31 января. [Электронный ресурс] < <https://goarctic.ru/news/iz-zhizni-sovremennogo-olenevodcheskogo-sela-chast-ii/>> [Дата обращения] 03.12.2023.
20. Rogozin, D. M., Ipatova, A. A., Galieva, N. I. Этнографическое интервью. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020.
21. Родоман, Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена, 1999.
22. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1: Костромская и Тверская губернии / Авторы-составители: И. И. Шангина и Е. Л. Мадлевская. СПб: Деловая полиграфия, 2004.
23. Смирнов, И. Н. Пермьяки: историко-этнографический очерк. Казань : Типо-лит. Имп. Каз. ун-та, 1891 (Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете ; т. 9, вып. 2).
24. Страусс, А., Корбин, Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / Пер. с англ. и послесловие Т. С. Васильевой. М: Эдиториал УРСС, 2001.
25. Фигуровский, Н.А. Очерки средневековой истории города Солигалича. Кострома: Авантитул, 2010.
26. Цуциев, А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М.: Издательство «Европа», 2006.
27. Чагин, Г. Н. Города Перми Великой. Чердынь и Соликамск. Пермь: Книжный мир. 2004.
28. Шанин, Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной сельской России // Качественные методы в полевых социологических исследованиях / Под ред. Т. Шанина. М.: Logos, 1999. С. 317–371.
29. Blom, J.-P. Ethnic and cultural differentiation // Ethnic groups and boundaries: The social organization of culture difference / Ed by: F. Barth. Boston: Little, Brown and Co, 1969. P. 74–85.
30. Collier, P. Exodus. How migration is changing our world. N. Y.: Oxford University Press, 2013.
31. Creswell, J. W. Research design: qualitative, quantitative, and mixed methods approaches. 2nd ed. Sage Publication Ltd., 2009.
32. George, A., Bennett A. Case studies and theory development in the social sciences. Cambridge, MA: MIT Press, 2005.
33. Glaser, B. G., Strauss, A. L. The discovery of grounded theory: Strategies for qualitative research. Chicago: Aldine, 1967.
34. Jakobson, R. Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics // Proceedings of the Eighth international congress of linguists / Ed. by E. Sivertsen. Oslo: Oslo University press, 1958, p. 17–25.
35. Murdock, G. P. Social structure. New York: The Macmillan Co; London: Collier-Macmillan Limited, 1949.
36. Murdock, G. P., Ford, S. C., Hudson, A. E., Kennedy, R., Simmons, L. W., Whiting J. W. M. Online of cultural materials // Yale Anthropological Studies, II. New Haven, 1945. P. 1–56.
37. Plusnin, Ju. Russian Provincial Society. An Empirical Analysis. Springer Cham, 2022.
38. Schütz, A. Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt. Eine Einleitung in die verstehende Soziologie. Wien: Springer, 1932.
39. Shils, E. Center and periphery: essays in macrosociology (Selected Papers of Edward Shils, 2). Chicago and London: University of Chicago Press, 1975.
40. Tönnies, F. Gemeinschaft und Gesellschaft. Grundbegriffe der reinen Soziologie. Leipzig: Fues's Verlag (R. Reisland), 1887.

Juri Plusnin

Ways of forming and developing isolated local societies

Plusnin Juri — Dr. in Philosophy, PhD in Biology, professor, National Research University — Higher School of Economics. **Address:** Moscow, Myasnitskaya Ulitsa, 20. **E-mail:** jplusnin@hse.ru.

Annotation: A phenomenological concept of ways for the local communities' formation and development is proposed. «Model object» is spatially isolated communities. Such communities experience minimal external impacts for a long time. Including they have a low level of migration. Three ways of forming isolated communities are described. They are due to the ethnic composition of the groups of first settlers: Russian or mixed. Two ways of development of such communities are substantiated. The first way is development according to the type of agglomeration: one-time or sequential “gluing” of ethnically and/or territorially heterogeneous groups of inhabitants while maintaining territorial disunity and heterogeneity of ethnic composition. The second way is development according to the type of agglutination: the successive «layering» of newly arriving groups of migrants on the autochthonous population with their subsequent assimilation.

Key words: provincial society; community; spatially isolated community; ethnic composition of the population; territorial groups; local ethno-social history; social interaction.

References

1. *Arseniev, V.K.* (1921) Along the Ussuri region. Journey to the mountainous region of Sikhote-Alin. Vladivostok: Printing House “Echo”. (In Russ.)
2. *Blom, J.-P.* (1969) Ethnic and cultural differentiation. In: Barth F., ed. Ethnic groups and boundaries: The social organization of culture difference. Boston: Little, Brown and Co: 74–85.
3. *Chagin, G.N.* (2004) Cities of Great Perm. Cherdyn and Solikamsk. Perm: Book World. (In Russ.)
4. *Collier, P.* (2013) Exodus. How migration is changing our world. N.Y.: Oxford University Press.
5. *Creswell, J.W.* (2009) Research design: qualitative, quantitative, and mixed methods approaches. 2nd ed. Sage Publication Ltd.
6. *Donskikh, O.A.* (2011) Province and provinciality: the beginning. In: H.E. Fokina, V.N. Alekseev (eds) Book and literature in the cultural space of epochs (XI-XX centuries). Novosibirsk: GPNTB: 25–44. (In Russ.)
7. *Dyatlov, I.N., Grigorichev, K.V.*, eds. (2013) Migration Society of Asian Russia: migrations, spaces, communities. Irkutsk: «Reprint». (In Russ.)
8. *Figurovsky, N. A.* (2010) Essays on the medieval history of the city of Soligalich. Kostroma: Avantitul. (In Russ.)
9. *George, A., Bennett, A.* (2005) Case studies and theory development in the social sciences. Cambridge, MA: MIT Press.
10. *Glaser, B.G., Strauss, A.L.* (1967) The discovery of grounded theory: Strategies for qualitative research. Chicago: Aldine.

11. *Ilyin, V.I.* (2006) Dramaturgy of qualitative field research. St. Petersburg: Intersocis. (In Russ.)
12. *Jakobson, R.* (1958) Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics. In: Sivertsen E., ed. Proceedings of the Eighth international congress of linguists. Oslo: Oslo University press: 17–25.
13. *Kozlov, A. I., Lisitsyn, D. V., Kozlova M. A., eds.* (2008) Kola Saami in a Changing World. Moscow: Heritage Institute, IL «ArktAn-S». (In Russ.)
14. *Kulisher, I.M.* (2004) History of the Russian national economy. Chelyabinsk: Society. (In Russ.)
15. *Lukyanchenko, T.V.* (1993) Saami in Russia: on the issue of the adaptive function of traditional culture. Siberian ethnographic collection, M. Issue. 6. Book. 1: 11–23. (In Russ.)
16. *Lurie, S.V.* (2015) The game of cat and mouse: models of Russian peasant colonization in the 19th – early 20th centuries. International Scientific Research Journal. No. 11(42). Part 4. (In Russ.)
17. *Maksimov, S.V.* (1871) Year in the North. Arkhangelsk: North-West. book. publishing house. (In Russ.)
18. *Murdoch, J.P.* (2003) Social structure. M.: OGI. (In Russ.)
19. *Murdock, G.P.* (1949) Social Structure. New York: The Macmillan Co; London: Collier-Macmillan Limited.
20. *Murdock, G.P., Ford, S.C., Hudson, A.E., Kennedy, R., Simmons, L.W., Whiting, J.W.M.* (1945) Online of cultural materials. Yale Anthropological Studies, II. New Haven: 1–56.
21. *Pascal, P.* (2011) Archpriest Avvakum and the Beginning of the Schism. M.: Sign. (In Russ.)
22. *Plusnin, Ju.* (2022) Russian Provincial Society. An Empirical Analysis. Springer Cham.
23. *Plusnin, Ju.M.* (2006) Mezen: realities of natural life. Otechestvennye zapiski, M. No. 32(5): 147–156. (In Russ.)
24. *Plusnin, Ju.M.* (2008) Factors of development of local self-government. Estimation of the meaning of isolation and isolationism. Public Administration Issues. No. 3: 38–50. (In Russ.)
25. *Plusnin, Ju.M.* (2013) Friends and aliens in a Russian provincial town. World of Russia. Vol. 22. No. 3: 60–93.
26. *Plusnin, Ju.M.* (2022) The social structure of the provincial society. Commonplace; Khamovniki Foundation. (In Russ.)
27. *Pozanenko, A.A.* (2017) Two types of isolated local communities as old and new Tönnies communities in modern Russia. Journal of Sociology and Social Anthropology. Vol. 20. No. 3: 161–178. (In Russ.)
28. *Pozanenko, A.A.* (2019a) Notes from the life of a modern reindeer herding village // GoArctic. 2019a. 30 January. [Online] <<https://goarctic.ru/news/zapiski-iz-zhizni-sovremennogo-olenevodcheskogo-sela/>> [Date of access] 03.12.2023. (In Russ.)
29. *Позаненко, А.А.* Notes from the life of a modern reindeer herding village. Part two // GoArctic. 2019b. 31 января. [Online] < <https://goarctic.ru/news/iz-zhizni-sovremennogo-olenevodcheskogo-sela-chast-ii/>> [Date of access] 03.12.2023. (In Russ.)
30. *Rodoman, B.B.* (1999) Territorial areas and networks. Essays on theoretical geography. Smolensk: Oikumena. (In Russ.)
31. *Rogozin, D.M., Ipatova A.A., Galieva N.I.* (2020) Ethnographic interview. Moscow: Delo Publishing House, RANEPa. (In Russ.)
32. *Schütz, A.* (1932) Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt. Eine Einleitung in die verstehende Soziologie. Wien: Springer. (In Germ.)
33. *Shangina, I.I., Madlevskaya E.L., eds.* (2004) Russian peasants. Life. Gen. Morals: materials of the «Ethnographic Bureau» of Prince V. N. Tenishev. Vol. 1: Kostroma and Tver provinces. St. Petersburg: Business printing, 2004. (In Russ.)
34. *Shanin, T.* (1999) Methodology of double reflexivity in the studies of modern rural Russia. In: Shanin T., ed. Qualitative methods in field sociological research. M.: Logos.: 317–371. (In Russ.)
35. *Shils, E.* (1975) Center and periphery: essays in macrosociology (Selected Papers of Edward Shils, 2). Chicago and London: University of Chicago Press.

36. *Smirnov, I.N.* (1891) Permians: historical and ethnographic essay. Kazan': Tipograpy-Lithography House of Kazan' Imper. Uni. (In Russ.)
37. *Strauss, A., Corbin, J.* (2001) Fundamentals of Qualitative Research: Justified Theory, Procedures and Techniques. M: Editorial URSS, 2001. (In Russ.)
38. *Tönnies, F.* (1887) Gemeinschaft und Gesellschaft. Grundbegriffe der reinen Soziologie. Leipzig: Fues's Verlag (R. Reisland). (In Ger.)
39. *Tsutsiev, A.A.* (2006) Atlas of the ethno-political history of the Caucasus (1774–2004). M.: Publishing house «Europe». (In Russ.)
40. *Zenzinov, V.M.* (1914) Ancient people at the cold ocean. Russian Mouth of the Yakutsk region of the Verkhoyansk district. M.: Printing house P.P. Ryabushinsky. (In Russ.)